«Известия», 1992, 2 января

Будущее принесет нам новые цены и забытые товары.

Михаил Бергер

– Егор Тимурович, с нового года начинается, должна начаться по крайней мере, новая жизнь: свободные цены, приватизация, либерализация внешнеэкономической деятельности. Чего вы ждете, чего всем нам ждать в первые недели и месяцы? Не получится ли так, что освобожденные цены, как родившееся в неволе домашнее животное, не выйдут на волю, будут жаться к «хозяину-госпрейскуранту»? По мнению некоторых экспертов такое может произойти. Не получится ли так, что люди не захотят стать собственниками, а иностранные инвесторы – пользоваться предоставленными новыми свободами?

– Несмотря на то, что некоторые основания относительно природной несвободы цен имеют под собой почву, я нисколько не сомневаюсь, что они на свободу выйдут. Все-таки рынок – вещь универсальная. Опасаться следует не того, что цены не «захотят» становиться либеральными, а той ситуации, на фоне которой приходится отпускать их на волю. Классические схемы проведения подобных мероприятий предполагают, первоначальное проведение финансовой стабилизации, а затем уже либерализацию цен. Делать это одновременно не то чтобы запрещается – не рекомендуется из-за высокой степени риска. И, если бы у нас был хоть какой-то выбор, мы бы не рисковали. Где-то с середины 1988 года события в экономике начали развиваться по худшему для осуществления реформы сценарию.

Но даже в начале 1989 года еще не было потеряно управление и что-то действительно можно было сделать сверху. Но урезать ассигнования на ВПК, сократить закупки оборудования и машин в пользу потребительского импорта – все это казалось невозможным и было практически за пределами обсуждения.

При большом желании и полном понимании ситуации и Горбачев, и Рыжков еще могли что-то изменить. Но не было ни того, ни другого. Они давали себя заворожить благостными расчетами и романтическими ожиданиями. Помните, еще первые основные направления перехода к рынку, оглашенные Рыжковым, в которые закладывались неизвестно откуда взявшееся и абсолютно нереалистичное повышение производства, шестидесятимиллиардное увеличение выпуска товаров народного потребления?

Горбачев постепенно начало подходить к пониманию роли финансов, стал обращать на них должное внимание. Но, к сожалению, очень часто политики начинают

понимать, что именно надо делать, лишь тогда, когда уже не имеют реальной власти этим пониманием воспользоваться.

К сентябрю прошлого года страна столкнулась с тремя тяжелейшими проблемами. Первое – полный развал бюджета и расстройство финансов. Второе – кризис внешней задолженности, невозможность рассчитываться с кредиторами, и отсюда – коллапс импорта, без которого многие производства просто останавливаются. И третье – развал натурально-вещественного механизма распределения и управления через фонды, лимиты, наряды, который худо-бедно действовал до середины прошлого августа.

– И вот уже два месяца, как вы и ваши товарищи по команде в российском правительстве несете ответственность за все, что происходит и произойдет в ближайшее время. Что может по этому поводу сказать человек, превратившийся из экономиста-наблюдателя и публициста в практика?

– Прежде всего, думая о том, как выбираться из ямы, в которой мы все оказались, и прикидывая диктуемые экономической логикой варианты поведения, особенно ясно видишь огромное количество факторов, решительно влияющих на события, но от тебя почти не зависящих. И уже оказывается мало добиться того, чтобы перестали вбухивать миллиарды в не нужное никому строительство или военные заказы. Надо улаживать отношения с мощными социальными группами, которые могут защитить свои интересы, и им трудно что-либо навязать. Можно принять замечательные решения о закупках товаров, а корабли с продуктами не идут, потому что зарубежные банки, не дожидаясь завершения переговоров по задолженности, замораживают кредиты. А экономическое поведение государств – бывших членов бывшего Союза, которое в иных ситуациях еще меньше зависит от тебя, чем поведение западных банкиров?

– И что же в этой ситуации удалось уже сделать, а что нет?

– Удалось оперативно, на мой взгляд, подготовить набор нормативных актов по ключевым вопросам реформы. Сюда прежде всего следует отнести либерализацию цен, внешнеэкономической деятельности, государственную программу приватизации, нормативные акты по земельной реформе, преобразованию колхозов и совхозов.

– Самым существенным, наверное, следует считать либерализацию?

– На пути к рынку – да. Но главным достижением этих двух месяцев я назвал бы поворот к жесткой бюджетной политике. Мы начали перекрывать кран, из которого хлестало все сильнее с каждым днем.

– Как можно говорить о «закрытии крана», переполнявшего денежное обращение, когда цены и доходы растут быстрее, чем грибы после дождя?

– Да, но при освобожденных ценах и жесткой бюджетной политике очень скоро выяснится, что денег не хватает. Нет, например ста тысяч (или сколько он там будет стоить) на автомобиль или мебельный гарнитур. Не хватает денег на новое оборудование или новое строительство. Возникают нормальные финансовые ограничения, диктующие совершенно определенное поведение. Это главное.

– Не исключаю, что в главном, как это видится вам, вы добились успеха, хотя представить себе, что после такого огромного дефицита можно сразу выйти на бездефицитный бюджет, очень и очень трудно. Что же касается других достижений, то здесь еще больше вопросов. Возьмем ту же программу приватизации. Там – этапы, задания по отраслям и регионам в процентах и так далее, и тому подобное. Все это сильно напоминает некоторые массовые мероприятия из нашей истории. И потом, даже счастливым сделать человека против его воли, при определенных обстоятельствах, наверное, можно. Но собственником вопреки желанию – вряд ли.

– Если бы удалось также быстро всех сделать собственниками, как в свое время загнать в колхозы, то это было бы неплохо, при условии, что это не потребовало бы жертв и насилия. Ну а если говорить серьезно, то детализированное задание по приватизации нам поручил разработать парламент, что мы и сделали. Я понимаю, что документы такого рода вызывают приятное брожение саркастической мысли, и сам иногда думаю, как бы я поупражнялся здесь, если бы писал об этом статью, но давайте взглянем на документ без лишних эмоций и предвзятости. Приватизация нигде не проходит быстро и легко: ни в бывших соцстранах, ни «при капитализме». Это тяжелый, но крайне необходимый процесс, встречающий не только непонимание, но и сильнейшее сопротивление заинтересованных социальных групп и структур.

Исходя из сказанного, я бы не стал называть задания по приватизации нелепостью. И потом, мы ведь не навязываем программой кому бы то ни было какую-то собственность, мы не даем распоряжений стать владельцем чего-то. Мы обязываем государственные органы предоставить возможность приобрести госсобственность тем, кто пожелает и сможет это сделать. Иными словами, это задание не покупателю, а продавцу собственности, который в большинстве случаев не хочет этого делать, ибо собственность – это деньги и власть, а история знает очень мало случаев, когда с этими вещами расставались охотно.

Если говорить о том, что не удалось, а надо было бы сделать за это время, то я бы отнес сюда слабые связи внутри России: с регионами, республиками. Жалею, что не удалось начать либерализацию цен двумя неделями раньше. Мало что мы успели сделать по борьбе с коррупцией, хотя одним из первых мероприятий, которое провело новое

правительство России, был пересмотр лицензии на продажу нефти и нефтепродуктов. Их, как известно, было выдано по разным каналам на 150 миллионов тонн при среднегодовом экспорте СССР в прежние годы в 100 миллионов тонн. Это, пожалуй, одна из самых криминогенных сфер управления. Говорят даже о существовании твердой таксы на взятки для получения лицензий на вывоз той же нефти – один процент от стоимости контракта, и, естественно, не в рублях. Представляете, какие суммы, какие интересы здесь замешаны. Новое внешнеэкономическое регулирование направлено в том числе и на то, чтобы поломать эту систему.

– Хорошо, в глобальных, в макроэкономических решениях с вами можно соглашаться или спорить, но многие авторитетные эксперты, наши и зарубежные, особенно имевшие дело с подобными ситуациями, в целом ваши действия одобряют. А вот микроуровень, когда дело касается конкретного завода порождает немало вопросов. Что будет делать, например, заводская столовая, лишенная фондов и госпоставок мяса? Вы не опасаетесь, что придется иметь дело с рабочими, не получившими обеда или не нашедшими достаточно денег на его покупку?

– Вопрос о заводской столовой надо адресовать заводу, который, кроме фондов на мясо, имел и хозрасчетные фонды, доходы, которые и должны быть употреблены в том числе и на решение этой проблемы. Конечно, не все предприятия с этим справятся, не все смогут преодолеть эту и множество других проблем. Но путь от коммунизма не бывает легким, и не мы первые узнаем, что задачи посткоммунистической стабилизации всегда неприятны. Мы проделываем этот путь одними из последних, и надо заметить, что в России дистанция между тем, что надо бы делать на определенных этапах этого пути и что делалось систематически оставалась максимальной.

– Поставим тогда вопрос в иной плоскости. Вы можете идеально правильно задумать реформу, но провалиться на оперативном управлении экономикой. Остановятся поезда, прекратят работу заводы из-за отсутствия необходимых поставок; не будет хватать тепла.

– Все это нас беспокоит не меньше, чем сама реформа. В правительстве есть специальная группа, занимающаяся исключительно вопросами жизнеобеспечения, которую мы условно называем «комиссия по зиме». Ее возглавляет министр материальных ресурсов и торговли Станислав Анисимов – все в конечном итоге завязано на поставки, – которому даны в этом плане широчайшие полномочия. Ситуация тяжелая, но не безнадежная. Мы стараемся оперативно реагировать на возникающие проблемы. Например, уже 27 декабря начали закупать уголь, который начали придерживать, по

новым ценам. Сегодня в целом с запасами топлива положение терпимое, за исключением нескольких отдельных случаев.

– Каковы ваши прогнозы на ближайшее будущее. Что нас ждет?

По наиболее благоприятному сценарию рост цен в январе-феврале составит примерно 100% в месяц. За первые три месяца мы ожидаем трехкратного повышения цен. Резко возрастет спрос на деньги, и к февралю начинается стабилизация на потребительском рынке. К марту-апрелю должно наступить замедление темпов роста цен до 10–12 процентов, и одновременно упадут темпы роста доходов. Будут отпущены цены еще на некоторые товары, по которым сохраняется государственное регулирование.

К июню мы будем иметь стабилизационный фонд для поддержания стабильного курса рубля. Все события будут происходить на фоне продолжающегося падения производства, роста безработицы. Но к концу года темпы роста цен замедлятся до нескольких процентов, курс рубля стабилизируется, возникнут объективные предпосылки для притока иностранных инвестиций. Общее падение по итогам за год не должно по этому сценарию превысить 10–12 процентов.

– А что говорят иные сценарии?

– Прежде замечу, что в первом с экономической точки зрения нет ничего фантастического, он вполне реален. На развитие событий может оказать влияние политическая ситуация. Например, жесткие требования по увеличению компенсаций. Темпы роста зарплаты приближаются к темпам роста цен. В итоге инфляция «зашкаливает» за 50 процентов в месяц, экономика функционирует в бартерном режиме, так как при такой инфляции деньги теряют смысл, и мы выходим на новый, более тяжелый виток проблем, которые, однако, тоже разрешимы.

– Что ж, в условиях, когда обещание малой беды уже выглядит неоправданным оптимизмом, ваша уверенность выглядит очень смело. Надеемся, у нас будет возможность вместе обсудить, насколько она обоснованна. Давайте регулярно рассматривать ситуацию и сверять развитие событий с тем, что вы ожидали.

– Согласен.